

В каком времени ты настоящая?

МАРИНА КРАМЕР

ТРЕБУЕТСЯ
ВЛЮБЛЕННОЕ СЕРДЦЕ

Марина Крамер

Требуется влюбленное сердце

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Крамер М.

Требуется влюбленное сердце / М. Крамер — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-089999-9

У следователя Лены Крошиной самое трудное дело, как водится, сердечное. Не стоит врать самой себе: она счастлива вырваться в Москву не потому, что ниточка очередного убийства тянется в столицу. Проверить на прочность чувства, которые связывают ее с обожаемым провинциальным денди, фотографом-неудачником, — именно этим она займется в командировке. Кстати, давно замечено: чем лучше отдаешь себе отчет в собственных неблагоприятных поступках, тем быстрее понимаешь, что движет тем, кто присвоил себе право распоряжаться чужими жизнями...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089999-9

© Крамер М., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Марина Крамер

Требуется влюбленное сердце

Часть 1

Елена

Все хотят быть услышанными, но никто не хочет слушать.
Анхель де Куатье

– Суд приговорил...

Она ничего больше не слышала. Зажала уши, зажмурила глаза. Она до сих пор не могла поверить, что все это происходит с ней, а человек за решеткой на скамье подсудимых – ее муж. Любимый Витя, с которым они счастливо прожили в браке семь лет.

Ее толкнули в бок – мама. Она открыла глаза и увидела, как дрожат губы матери. Та комкала в руке платок и подносила его к глазам.

– Сколько? – хрипло прошептала она, заметив, что судья уже скрывается за дверью.

– Семь, – всхлипнула мама.

Не в силах осознать, много это или мало, она перевела взгляд туда, где полицейский уже застегивал наручники на запястьях мужа.

Виктор спокойно встал и вышел, даже не обернувшись.

Он ее не простил.

Лена Крошина открыла глаза и несколько минут бессмысленно смотрела в потолок. «Завидую людям, в жизни которых нет будильников, начальников и понедельников». Она с ужасом представила, как сейчас будет выбираться из-под одеяла. Отопление давно отключили, а природа вдруг решила пошутить и отреагировала на это пронизывающим ветром, минусовой температурой и даже снегопадом, внезапно завалившим весь город белыми сугробами так, что было ощущение вернувшейся зимы. И это – в мае.

– Зря я все-таки убрала теплые вещи, – пробормотала Лена, с опаской вытаскивая из-под одеяла ногу и нашаривая тапочки.

Кутаясь на ходу в теплый банный халат, она прошла в кухню и включила плиту, надеясь, что, пока варится кофе, в помещении станет хоть немного теплее. Даже сока ей сегодня не хотелось, хотя она уже давно привыкла начинать день со стакана свежесжатого напитка. Но сама мысль о том, что придется открыть холодильник и вынуть оттуда холодные яблоки и груши, сейчас казалась мучительной.

– Какого черта я вообще их вчера в холодильник засунула? – пробурчала Лена, наблюдая за медленно поднимающейся над джезвой коричневой пенкой. – Какого черта я вообще делаю все не так, как нормальные люди, а?

Под «нормальными людьми» следователь Елена Денисовна Крошина понимала всех, кто умел организовать свой быт таким образом, чтобы столь банальная вещь, как завтрак, не вызывала приступов злости и раздражения. Ей никак не давалось это простое искусство, и во многом, видимо, потому, что Лена слишком поздно стала жить самостоятельно. Дожив до тридцати пяти лет, она наконец-то решилась уйти из родительского дома и начать собственную жизнь, и это оказалось весьма непросто, особенно когда прошла эйфория первых недель.

«Я совершенно не адаптирована социально, и этот факт дошел до меня только теперь, на четвертом десятке, – думала Лена, снова забравшись в постель, но уже с чашкой кофе. – Конечно, мама хотела облегчить мне жизнь, а потому особенно не донимала уборкой, стиркой,

готовкой. Такое впечатление, что она заранее знала: замуж я не выйду, а потому и не считала нужным приучать меня делать это регулярно».

Лена снова и снова думала о маме – единственном родном человеке, отношения с которым, увы, испортились окончательно после гибели отца. Вроде бы они и поговорили, и выяснили все неясности, и мама даже попросила прощения за то, что пыталась скрыть от дочери правду, но что-то сломалось. Дежурные телефонные звонки – не более того. Мать даже ни разу не побывала у нее в гостях, в этой довольно уютной съемной квартирке, где Лена училась самостоятельно вести хозяйство. Конечно, она лукавила, когда говорила о том, что ничего не умеет: и с готовкой, и с уборкой, и со стиркой, и даже с мытьем окон она прекрасно справлялась, разве что делала это без желания и без особой выдумки, считая все эти занятия не более чем нудной рутинной. И теперь ей очень хотелось показать матери, что, живя самостоятельно, она вполне может справиться с домашними делами и совмещать это со своей непростой работой в прокуратуре. Но Наталья Ивановна проигнорировала все приглашения, и Лена в конце концов перестала звать ее в гости. За год можно привыкнуть ко всему, в том числе и к такому неприкрытому игнору.

Экран мобильного загорелся, и Лена тяжело вздохнула – хоть бы для разнообразия приехать на работу не по вызову. Звонил молодой оперативник Саша Левченко.

– Елена Денисовна, доброе утро. На адрес подъезжайте сразу, хорошо?

– Диктуйте, – дотягиваясь до ежедневника, сказала Лена и записала название улицы. – Это где же?

– Северная окраина, не заблудитесь – рядом торговый центр.

– Понятно. А что там?

– Убийство.

– Ладно, Саша, спасибо, я скоро буду.

Через полчаса, забыв о холоде, снеге и прочих неприятностях, она ехала на северную окраину города.

– Что, дорогуша, у нас смертоубийство, – вздохнул эксперт Никитин, стоило Лене войти в небольшую квартиру. – Молодой человек в спальне.

– Господи, опять в спальне, – вздохнула она. – Что их всех туда тянет?

– А тебе есть разница, где хладное тело осматривать?

– Мне? Никакой.

– Так и не стой в дверях, проходи. Хозяйки еще нет, но скоро привезут, поехали за ней. Она на даче неделю живет. – Никитин рукой указал направление, и Лена пошла по узкому темноватому коридору, на ходу бегло оглядывая трехкомнатную квартиру, насколько это было возможно.

В небольшой комнате, напоминавшей скорее детскую, на полу возле узкой кровати лицом вниз лежал довольно крупный мужчина в сером спортивном костюме. Под правым боком светлый ковер был залит кровью, а на серой кофте виднелось небольшое отверстие в области пояса, тоже выпачканное в крови. Никитин присел на корточки и пальцем, затянутым резиной перчатки, ткнул в это отверстие:

– Видишь? Удар сзади острым предметом в поясничную область. Такое ощущение, что рост убийцы не позволял ударить выше.

– Почему? – тоже присев рядом с телом, не согласилась Лена. – В мягкие ткани сзади бить удобнее, чем, скажем, между ребер. А орудие убийства, конечно, не нашли?

– На сей раз нет. Какой-то странный убийца попался – никакой заботы об эксперте и следователе. Вот как теперь искать, а? – притворно вздохнул Никитин.

Лена, работая с ним первые годы, никак не могла привыкнуть к юмору, с которым Никитин подходил к осмотру места происшествия, ей казалось, что все эти «убийцы» и производ-

ные от них, вся эта ирония в адрес подозреваемых просто неуместны. Однако со временем она поняла, что таким образом Никитин сбрасывает эмоциональное напряжение и немного разряжает обстановку, совершенно не преследуя цель задеть или оскорбить кого-то.

– А на что примерно может быть похоже? – рассматривая круглое отверстие с ровными краями, спросила Лена.

– Да на что угодно. Шило, заточка, мало ли...

– На шило не похоже, слишком мужик огромный, а там насквозь, – подал голос стоявший все это время у окна оперативник Андрей Паровозников.

Лена промолчала – они практически не общались уже около пяти месяцев, и вот теперь впервые за это время столкнулись на месте происшествия. «Как все-таки неосмотрительно было заводить роман на работе», – подумала она, досадуя, что придется сталкиваться с Андреем чаще, чем ей хотелось бы. Роман был недолгим, всего около трех с небольшим месяцев, но Лена до сих пор чувствовала свою вину за этот разрыв. Андрей очень старался не сталкиваться с ней, но, к сожалению, это оказалось невозможным, и вот они снова работают по одному делу.

– Ладно, позже будет понятно. – Она поднялась. – Что известно об убитом?

– Полосин Алексей Витальевич, одна тысяча девятьсот восемьдесят первого года рождения, проживает по адресу... – начал Андрей, заглядывая в документы, которые держал в руке. – Ага, клиент не местный, прописан в Москве.

– Может, по работе приехал, – буркнул Никитин, осторожно переворачивая труп на спину. – Симпатичный, – констатировал он, взглянув в лицо убитого.

Лена не стала спорить:

– Да уж, с такой внешностью наверняка отбоя от женщин не было.

– Типичный цыган, – пожал плечами Паровозников.

– Девочки чернявых любят, – поддел кудрявого блондина Паровозникова Никитин. – Говорят, они так и пышут страстью.

– Прекратите, а? – попросила Лена. – Андрей, продолжай.

– А больше ничего. В кармане брюк был посадочный талон на вчерашний утренний рейс из Москвы, бумажник. В бумажнике – листок с адресом. Больше ничего, – повторил Андрей.

– Да, не густо. А квартира кому принадлежит?

– Квартира принадлежит Брусиловой Ольге Михайловне, одна тысяча девятьсот пятьдесят шестого года рождения.

– Может, родственница?

– Может. Ребята соседей опрашивают. Собственно, соседи-то наряд и вызвали – пошел кто-то с собакой гулять, а та у дверей квартиры села и завyla. Хозяин испугался, дверь-то приоткрыта была. Вызвал на всякий случай полицию, а здесь труп, – объяснил Паровозников, не глядя на Лену. – За хозяйкой поехали, она уже неделю живет на даче в Люсиновке.

– Это минут сорок на электричке?

– На машине быстрее будет, если только в пробках не стоять.

Лена сделала пометки в блокноте и пошла в соседнюю комнату. Она оказалась чуть больше, там стояла двуспальная кровать, застеленная покрывалом, сшитым из лоскутков разного цвета, на стене укреплен телевизор, на окне – белый пластиковый ящик, в котором росли кактусы разных форм и размеров. У противоположной окну стены стоял белый платяной шкаф и комод, на котором Лена увидела рамки с фотографиями. Она подошла ближе. В той, что была побольше, стояла фотография красивой девушки с длинными прямыми волосами такого белого цвета, что Лена даже усомнилась в их натуральности. В рамке поменьше – фотография, на которой та же девушка была снята в обнимку с мужчиной старше ее, а рядом – девочка лет тринадцати, очень на него похожая. Лицо девушки показалось Лене знакомым, но, сколько она ни напрягала память, так и не смогла вспомнить ничего, кроме того, что это лицо она совер-

шенно точно видела на экране телевизора. «Может, ведущая какая-то местная, – подумала она, переведя взгляд на семейное фото. – А вот девочка слишком взрослая для дочери».

– Знакомое лицо, – раздалось за спиной, и Лена от неожиданности вздрогнула:

– Ты не мог бы не подкрадываться?

Андрей ответил спокойно, по-прежнему глядя только на фотографии:

– Я не подкрадывался. Но лицо очень знакомое. Погоди-ка. Брусилова... – Он на секунду нахмурился. – Точно! Лет восемь назад в конкурсе красоты победила девушка с такой фамилией.

– Восемь лет назад? И ты помнишь фамилию? – с сомнением протянула Лена.

– Помню. У меня приятель работал в отделении тогда еще милиции по этому району, он рассказывал, что к этой Брусиловой после конкурса какой-то маньяк прицепился, преследовал всячески, а однажды поджег дверь квартиры, и жильцы чуть не задохнулись.

– Чем закончилось?

– Вот этого не знаю. Если интересуешься, могу позвонить Кольке, он расскажет, если вспомнит. Он давно уже из полиции уволился.

– Пока нужды нет, но ты имей в виду на всякий случай, вдруг что...

– Не думаю, что труп в соседней комнате – тот самый маньяк.

– Я тоже не думаю, но мало ли.

Повисла неловкая пауза. Лена почти физически ощущала, каких усилий стоит Андрею говорить этим ровным, отстраненным тоном, как он пересиливает себя, находясь с ней в одной комнате и сознавая перспективу видаться едва ли не каждый день в связи с работой по новому делу. До сих пор им удавалось избегать подобного.

– Если хочешь, я попрошу, чтобы тебя кто-то заменил, – сказала она, но Андрей равнодушно пожал плечами:

– Мне все равно, делай так, как тебе удобно.

Лена сочла за благо выйти и направиться в довольно просторную по сравнению с двумя остальными комнатами гостиную. Самая светлая комната в квартире выходила окном на южную сторону, через легкие шторы пробивались вдруг появившиеся на пасмурном небе солнечные лучи, а вся обстановка здесь казалась такой умиротворяющей, что Лена немного успокоилась. Ничего дорогого или супермодного в этой комнате не было, разве что неплохой телевизор на низкой тумбе, зато на небольшом столике в углу у окна обнаружилась большая корзинка, из которой торчали вязальные спицы, а рядом с придвинутым к столику креслом стояли большие пальцы на подставке с натянутой канвой и почти законченной вышивкой. Лена подошла ближе и увидела раскинувшееся на канве пшеничное поле в закатных лучах. Картина была выполнена настолько правдоподобно, что на секунду даже показалось, что она ощущает чуть дурманящий запах колосков.

– Елена Денисовна, там хозяйку привезли, – сказал из коридора лейтенант Саша Левченко, второй оперативник, работающий по делу.

– Хорошо, мы с ней в кухне пообщаемся.

Лена вышла в коридор и увидела невысокую худощавую женщину лет шестидесяти. Голова ее была повязана ярким шелковым шарфом, гармонировавшим с простой футболкой и голубым джинсовым костюмом. Было видно, что женщина ухаживает за собой и старается держаться в форме.

– Добрый день. Я старший следователь прокуратуры Крошина Елена Денисовна, – представилась Лена.

– Ольга Михайловна Брусилова, – мягким голосом ответила женщина. – Простите, я ничего не поняла из объяснений вашего сотрудника. Что случилось?

– В вашей квартире обнаружен труп мужчины.

Брусилова чуть покачнулась и схватилась рукой за дверной косяк.

– Вам плохо? Саша, принесите, пожалуйста, воды, – попросила Лена, но хозяйка уже взяла себя в руки:

– Нет-нет, не нужно. Это как-то неожиданно.

– Понимаю. Давайте сядем в кухне и поговорим.

– Проходите, пожалуйста, – Брусилова пропустила Лену впереди себя и уже в кухне каким-то отработанным жестом включила чайник, но тут же испугалась: – Ой, извините, а это можно?

– Да, здесь уже закончили, но, к сожалению, времени на чай нет. Скажите, Ольга Михайловна, – начала Лена, устраиваясь за небольшим столом и открывая блокнот, – вам знаком Полосин Алексей Витальевич?

– Впервые слышу, – совершенно спокойно отозвалась хозяйка.

– Вы проживаете в этой квартире одна?

– Да, я живу одна. Дочь замужем и живет с семьей отдельно.

– У нее есть ключи от вашей квартиры?

– Конечно. Но я не понимаю...

– А у кого-то еще? Знаете, некоторые соседям отдают комплект, если уезжают надолго, у вас, я вижу, много цветов, их ведь нужно поливать?

– Нет, что вы, зачем же соседям... Даша приезжает, когда меня нет.

– Как вы думаете, ваша дочь... – Лена старалась выбирать слова, чтобы не обидеть эту приятную женщину, но проверить пришедшую в голову мысль была обязана. – Словом, ваша дочь не могла использовать вашу квартиру для, скажем так, встреч с мужчинами?

Лицо Брусиловой, как и ожидала Лена, вспыхнуло, она вытянулась на стуле, сделавшись прямой, как натянутая струна, и гневно спросила:

– Вы что себе позволяете? Моя дочь – замужняя женщина, у нее дочь-подросток и прекрасный муж!

– Я понимаю, Ольга Михайловна, и никак не хотела задеть вас или вашу дочь, но я обязана задать этот вопрос. Судите сами: ключи от квартиры есть у вас и вашей дочери, следов взлома на дверном замке нет, а в квартире – труп неизвестного вам мужчины. Разве не напрашивается... – но Брусилова перебила:

– Нет, не напрашивается! Почему вы решили, что это Даша привела мужчину в мою квартиру?

– А что я должна была решить?

– Господи, если женщина красива, то она непременно развратна? – Брусилова нервно встала с табуретки, прошла к окну, поправила занавеску, передвинула горшок с ярко-розовой бегонией. – Откуда взялся этот ужасный стереотип? Да, она была королевой красоты восемь лет назад, ну и что? Даша – порядочная девушка, такой была и такой осталась даже после конкурса! У нее хорошая семья, достойный, уважаемый супруг!

– Ольга Михайловна, пожалуйста, успокойтесь, – попросила Лена, отметив про себя, что Андрей оказался прав и дочь хозяйки действительно победила в каком-то конкурсе. – Я же никого не обвиняю, я спросила ваше мнение. И услышала его – нет так нет.

– Мне как матери было оскорбительно слышать это.

– Я уже сказала, что не ставила перед собой цель обидеть вас или вашу дочь, но моя работа – задавать вопросы, чтобы найти убийцу, и вопросы эти не всегда нравятся и мне самой, и тем, кому адресованы. Это бывает. Но давайте все же отбросим эмоции и постараемся помочь друг другу, чтобы убийца этого несчастного человека в спальне не ушел от ответственности, – устало произнесла Лена, чувствуя себя какой-то заводной игрушкой, внутри которой играет вот эта заезженная пластинка. – Как вы думаете, ваша дочь все-таки не могла быть знакома с Алексеем Полосиным?

– Не знаю. Думаю, не могла.

– Хорошо, это я постараюсь выяснить у нее лично.

Лена поняла, что хозяйка квартиры разозлилась и больше ничего не скажет. Да и труп в квартире – не лучший повод для хорошего настроения. Задав еще несколько вопросов, Лена попросила адрес и телефон дочери. Ольга Михайловна продиктовала номер и немного нервно спросила:

– А когда из спальни уберут... это?

– Эксперт закончит работу, и тело увезут в морг, думаю, еще минут десять-пятнадцать.

– И сразу можно будет убрать?

– Да, конечно. Извините за разгром, но такова специфика работы.

– Ничего. – Хозяйка махнула рукой. – Вы на меня внимания не обращайте, это стресс.

– Понимаю, Ольга Михайловна, все это крайне неприятно. Если возникнут какие-нибудь вопросы, я вызову вас повесткой.

– Да ради бога. – Она повернулась и вышла из кухни, а Лена, сделав еще пару пометок в блокноте, вынула телефон, чтобы посмотреть пропущенные звонки.

Но их не было. Отношения с матерью натянулись до предела в тот момент, когда Лена, расследуя в прошлом году двойное убийство в доме меценатки Стрелковой, обнаружила связь своего отца с убитым теневым воротилой. Денис Васильевич Крошин не смог пережить открытую дочь правду и покончил с собой, а мать так и не перестала винить Лену в том, что она не отказалась от дела и довела его до конца. Лену глодала обида на то, что мать скрывала от нее правду, пыталась до последнего выгородить отца и отрицала очевидные факты. Кроме того, мать довольно скептически отнеслась к ее тогдашней связи с Андреем Паровозниковым, равно как до этого критиковала роман с фотографом Кольцовым. Если бы она узнала, что дочь снова думает о Никите и из-за него рассталась с Андреем, она вообще перестала бы ее уважать.

Но Лена ничего не могла поделать со своими чувствами. Порвав год назад с Никитой, она надеялась, что сумеет забыть о нем, окунувшись в отношения с Андреем, но вышло только хуже. Андрей, как ни старался, не смог вытеснить Никиту из ее души и сердца. Она невольно сравнивала их, и почему-то это сравнение никогда не решалось в пользу Андрея, хотя тот, казалось, в лепешку расшибался, чтобы сделать Лену счастливой. Но нет – холодный, эгоистичный, самовлюбленный Кольцов был для нее желаннее и привлекательнее. Она сама не понимала, почему ей так нравится быть с ним, хоть и чувствовать себя при этом униженной. Никита никогда не ставил ее интересы выше или хотя бы вровень со своими, никогда не давал понять, что она нужна ему, – но Лена тянулась за ним, а Андрей, предвосхищавший любую ее прихоть, только раздражал.

Поговорить об этом было не с кем – единственная подруга Юлька Воронкова, актриса местного театра, получила приглашение сниматься в сериале и вот уже год как уехала в Москву. К тому же Лена прекрасно знала, что скажет Юлька, когда узнает, что она сделала, расставшись в Паровозниковым...

– Елена Денисовна, мы закончили, – вывел ее из раздумий голос Левченко.

– Что? Да, хорошо, – Лена прошла в гостиную, где неподвижно сидела хозяйка квартиры: – Ольга Михайловна, мы закончили осмотр, тело сейчас заберут.

– Вите лучше звонить вечером, днем у него много работы, он старается не отвлекаться на телефонные разговоры. А Даше – в любое время.

– А кем работает ваша дочь?

– У нее небольшое модельное агентство, знаете – для ребятешек. Даша организовала его два года назад, с удовольствием занимается этим.

– А ее собственная дочь в этом участвует? Обычно девочки стараются повторять что-то за мамами.

– Нет, Олеся у нас художница, ей все эти модельные штучки совершенно неинтересны. Кроме того, она приемная дочь Даши.

«Тогда понятно, почему мне показалось, что девочка слегка великовата для такой молодой мамы», – вспомнив фотографию на комод, поняла Лена.

– Олеся – дочь Дашиного супруга?

– Да, от первого брака. Ее мать погибла, и Виктор воспитывал ее один. Она очень хорошая девочка и очень талантливая. Вот, посмотрите. – Ольга Михайловна поднялась и подошла к стене, на которой висела картина, точь-в-точь повторявшая рисунок натянутой на пальцы вышивки – пшеничное поле в закатных лучах.

– Надо же, – протянула Лена. – Как живое все.

– Да, так все говорят. Я даже решила в вышивке повторить, но, кажется, у Олеси все-таки лучше вышло. Это она прошлым летом в деревне с натуры рисовала, а в позапрошлом году Виктор ее во Францию отправлял, в какую-то художественную школу, так она потом сплошь лаванду выписывала.

– Действительно, очень талантливо. Все, у меня пока больше нет вопросов. – Лена услышала, как в коридоре загалдели покидающие квартиру эксперты и бригада из морга, которая забирала труп Полосина. – Если что – я вас вызову, – повторила она.

– Конечно, – тяжело вздохнула хозяйка квартиры. – А мне можно уехать? На дачу? Понимаете, вряд ли я смогу. Словом...

– Да, конечно, – догадалась Лена. – Вы можете уехать, но очень прошу вас быть на связи.

– Конечно! – с облегчением повторила Брусилова. – А то, знаете, как-то жутко в квартире теперь. Наверное, потом привыкну, но пока...

– Я понимаю. Всего хорошего, Ольга Михайловна, – попрощалась Лена и вышла на площадку.

Андрей и Левченко курили на улице, Никитин о чем-то разговаривал с шофером «дежурки». Лена с огорчением заметила, что ее машину подпер какой-то нахал на «Ауди», и теперь придется ждать, когда он соизволит выйти и перегнать машину, или долбить ногой по колесам, чтобы хозяин услышал сигнализацию.

– Что, Леночка, запер тебя какой-то балбес? – оторвавшись от беседы, сочувственно спросил Никитин.

– А ничего, мы его сейчас побеспокоим. – Паровозников приблизился к машине и пнул колесо.

Сигнализация завывала, и через пару минут с балкона на пятом этаже раздался рев, почти ее перекрывший:

– Какого хрена? Сейчас выйду – ноги вырву!

– Только поскорее, мы опаздываем! – рявкнул в ответ Андрей.

– Ах ты, – не удержался владелец «Ауди». – Я спускаюсь.

– Иди-иди, – пробормотал Андрей. – Заодно и штраф огребешь.

Когда через пару минут из подъезда показался красный от злости мужик в спортивном костюме, Андрей вынул удостоверение и направился ему навстречу. Автовладелец, не вглядываясь в надписи, мгновенно оценил красные «корочки», и прыти у него сразу поубавилось:

– Так я это, думал – пацаны балуются, то-се.

– Не в пацанах дело. Хамить не надо и парковаться вот так тоже. – Андрей кивнул на заблокированную Ленину машину и убрал удостоверение.

– Извините, ради бога, я ж не знал... – пытался мужик, с трудом вытягивая из кармана брюк ключи. – Вижу – машина не наша, не дворовая... и, главное дело, второй раз за два дня чужая тачка на моем месте паркуется!

– Второй раз за два дня? – почему-то насторожилась Лена. – А у вас тут что – у каждого свое место?

– А как же! Мы давно всем двором собрались и решили, кто где машины паркует. Уж года полтора никаких проблем, а тут как саранча просто. И все на мое место, главное дело!

– Погодите. Допустим, во дворе не так много автовладельцев. Но как быть тем, кто приехал по делу, допустим?

– А вон там видите площадочку? – мужик указал рукой в сторону трансформаторной будки, одиноко притулившейся у самого выезда из двора. – Вот там у нас гости и паркуются, все жильцы это знают. Исключение только для спецмашин всяких – тут уж не покомандуешь, а с гостями-то можно договориться.

– А что за машина вчера была, не помните? – Лена пока не понимала, с чего вдруг вцепилась в эту машину, но чутье подсказывало, что лучше спросить – вдруг пригодится?

– Как не помнить? Я же у окна караулил, когда уезжать будет, чтобы свою машину на место с гостевой перегнать. Но, видать, отвлекся: выглядываю, а уже и нет никого. «Фольксваген» это был, синий.

– А модель?

– Кажется, «Гольф», – почесав затылок, ответил мужик. – Да, точно, «Гольф» синего цвета. Номер вот не помню, просто не посмотрел, без надобности было.

– Спасибо, – сказала Лена, игнорируя удивленный взгляд Паровозникова. – А теперь, будьте так любезны, отгоните машину, чтобы я могла выехать, и впредь не паркуйтесь таким образом.

– Да-да, я мигом. Извините, я же не знал.

Пока водитель пытался, усаживаясь за руль, Лена подозвала Сашу Левченко и попросила проверить, не попала ли вчерашняя машина в объектив камеры, установленной на углу дома.

– Думаете, это как-то связано? – спросил Саша, записывая в блокнот цвет и марку автомобиля.

– Пока не знаю. Но давай проверим – мало ли что.

Левченко отошел к «дежурке», а Лена вдруг подумала, что раньше поручила бы эту работу Андрею и могла быть уверена, что не придется напоминать и контролировать, а сейчас это стало неудобным. Вроде как служебная необходимость – но просить о ней бывшего любовника кажется неправильным. «Определенно, это была плохая идея – начать с ним встречаться, – снова с досадой думала Лена, садясь за руль. – Нельзя от одиночества совершать необдуманные поступки, нельзя ставить под угрозу работу только потому, что тебе мучительно возвращаться в пустую квартиру и знать, что не с кем провести вечер. Странно только, что Андрей, у которого женщин было предостаточно, до сих пор обижен на меня. Может, он привык рвать отношения первым, а тут я его опередила? Я, от которой он точно не ожидал подобного?»

Сидя за столом в кабинете, Лена привычно чертила схему, которая помогала ей сосредоточиться и разложить по полочкам информацию о фигурантах дела. Она не смогла дозвониться Дарье Брусиловой-Жильцовой, ее телефон был выключен, и Лена то и дело бросала взгляд на дисплей своего мобильного в ожидании сообщения о том, что абонент появился в сети. Через пару часов появился Паровозников, молча положил перед ней на стол какие-то бумаги и вышел, плотно закрыв за собой дверь. Лена вздохнула – действительно, тяжело будет работать в такой обстановке, когда Андрей с трудом сдерживает обиду. Она раньше не думала, что он такой ранимый, но глубоко в душе его понимала и даже оправдывала. Она поступила с ним жестоко, более того – она нанесла ему глубокую душевную рану, и вообще удивительно, что Андрей хоть как-то разговаривает с ней.

Лена хорошо помнила тот день, когда приняла решение расстаться с ним. Они прожили вместе почти четыре месяца, собирались праздновать Новый год, строили планы – и вдруг однажды Лена проснулась среди ночи оттого, что увидела во сне лицо Никиты Кольцова. Оно

показалось ей вдруг таким родным, что внутри защемило. «Как я могла, зачем мы вообще расстались? Я же не могу без него жить, – подумала она и, переведя взгляд на спящего рядом Андрея, содрогнулась от накотившего отчуждения. – Что он делает здесь? Зачем?»

До утра она просидела в кухне, обняв руками колени, и проплакала, не зная, какое решение принять. Не хотелось обижать ни в чем не повинного Андрея, но и обманывать себя тоже было невыносимо. Когда Паровозников, зевая и потягиваясь, появился в дверном проеме, Лена, набравшись смелости, посмотрела ему в глаза и проговорила:

– Андрей, мы должны расстаться.

Он еще не совсем проснулся, а потому не сразу понял, о чем она говорит:

– Это ты к чему?

– Ты ведь слышал. Мы должны расстаться, мы не можем больше жить вместе.

Андрей вытянул из-под стола табуретку, сел и уставился на Лену:

– Так-так, а подробнее? Что случилось?

– Я не могу больше обманывать себя. Я не люблю тебя, Андрюша, и не хочу затягивать это все дальше. Прости.

Андрей потрясенно молчал. Он никак не мог взять в толк, что же случилось. Еще вчера они живо обсуждали предстоящую новогоднюю ночь, а теперь Лена произносит эти слова и, похоже, верит в то, что говорит.

– Что я сделал не так? – спросил он охрипшим от волнения голосом.

– Ты здесь ни при чем, Андрюша. – Лена виновато опустила голову. – Ты чудесный, настоящий, очень хороший... просто не мой. И было бы жестоко...

Андрей перевел взгляд на подоконник и увидел там вчерашнюю газету, с разворота которой смотрело лицо Кольцова. Фотография иллюстрировала статью о большой фотовыставке, которую он организовывал в преддверии Нового года.

– Вот в чем дело, – тихо протянул он. – Вернее, вот в ком.

Лена не сразу поняла, что он имеет в виду, а когда обернулась и увидела газету, то в ее голове все сразу встало на места. Именно статья и фотография перевернули в ней все, что она успела построить за три с небольшим месяца, взбаламутили сумевшую успокоиться душу, и услужливое подсознание тут же подсунуло ей сон о Кольцове.

– Андрей...

– Ленка, ты это серьезно? – Он встал, обошел стол и взял Лену за плечи. – Скажи, ты серьезно рвешь со мной из-за него?

Лена опустила глаза и промолчала, но ему уже не нужно было слов. Он выпустил ее и ушел из кухни, а через час входная дверь за ним захлопнулась. Выйдя в прихожую, Лена увидела на тумбе под зеркалом связку ключей, которую дала Андрею в тот день, когда он переехал жить к ней.

Лена съехала по стене вниз, обхватила колени руками и заплакала. Ощущение оказалось кошмарным – она успела привыкнуть к Андрею, и теперь чувствовала, как от сердца оторвали кусок. Но и кривить душой больше тоже не могла: Андрей один не останется, у него всегда было полно поклонниц, и рано или поздно в его жизни появится та самая женщина, которая даст ему любовь. «Но что же делать мне? – тоскливо думала Лена. – Юлька не поняла бы, ей никогда не нравился Никита и всегда нравился Андрей. Но почему я должна соответствовать Юлькиным вкусам? Это моя жизнь, я буду проживать ее так, как считаю правильным».

Принять решение оказалось довольно просто, но вот осуществить...

Два дня Лена настраивалась на поездку и разговор и наконец решилась. Она ждала Никиту у крыльца института, где он преподавал. Шел снег, стояла тихая безветренная погода, легкий морозец пощипывал лицо, кроме того, Лена забыла перчатки в машине, а возвращаться за ними не стала, побоявшись пропустить Кольцова. Руки ооченели, она пыталась прятать их в рукавах шубы, но они все равно продолжали мерзнуть. Когда Кольцов в распахнутой куртке

появился на крыльце, Лена еле смогла сделать шаг ему навстречу. Никита удивленно остановился, словно не узнал ее:

– Лена? Что ты тут делаешь?

– Тебя... жду... – выдавила она замерзшими губами.

– Зачем?

– Поговорить...

– Нам не о чем говорить. Больше ничего не будет, неужели ты не поняла? Уходи.

Кольцов повернулся и быстрыми шагами направился к трамвайной остановке, на ходу застегивая куртку и наматывая на шею длинный серый шарф.

Лена так и осталась стоять у крыльца, не в силах поверить в то, что он отшвырнул ее. Она чувствовала, как в груди разорвался огромный ком, состоявший сплошь из боли, и эта боль затопила ее до самой макушки так, что стало невыносимо дышать. «Я сойду с ума, – с тоской подумала Лена. – И это уже не фигура речи, я действительно сейчас сойду с ума».

Внезапно осознав, что сама она со всем этим не справится, Лена усилием воли заставила себя дойти до машины, завести ее, включить печку и, пока салон медленно прогревался, найти в телефоне номер психиатра, к которому обращалась мать после самоубийства отца.

– Здравствуйте, Марк Семенович, это Лена Крошина, дочь Натальи Ивановны.

– А-а, Леночка из прокуратуры? Помню-помню, чем обязан?

– Вы... я... – Лена запнулась, не в силах произнести «мне нужна ваша помощь», но психиатр был человеком опытным:

– У вас какая-то проблема? Если нужно поговорить, приезжайте прямо сейчас, у меня свободны два часа до следующего пациента.

И Лена поехала к врачу.

Остаток декабря она горстями пила назначенные Марком Семеновичем препараты, боялась приходить в пустую квартиру, боялась спать, не могла есть. В этих условиях она еще и на работу ходила, так как стеснялась принести потом больничный лист, подписанный психиатром. На работе, как ни странно, становилось полегче – Лена заканчивала несколько дел, приходилось держать себя в руках и сосредоточиваться на разных мелочах, что заставляло отогнать все мешающие этому мысли. Но вечером она возвращалась домой, и там на нее снова обрушивались воспоминания, а в ушах звучало единственное слово, произносимое голосом Кольцова: «Уходи... уходи... уходи...» – как заезженная пластинка. Лена хватала косметичку, вытряхивала из нее упаковки с таблетками и принимала необходимую дозу, чтобы хоть как-то заглушить этот голос.

Новый год она собиралась встречать в одиночестве, забившись в кресло с чашкой какао и коробкой конфет – спиртного ей было нельзя. И когда она уже собралась лечь спать, не дожидаясь боя курантов и одурев от бесконечного мелькания одних и тех же лиц на всех телевизионных каналах, в дверь позвонили. Лена не представляла, кто бы это мог быть, но почему-то решила, что это Андрей, и пошла открывать. Но на пороге стоял Никита. Онемев, Лена шагнула назад, и Кольцов счел это приглашением войти.

– Я тут убирался, нашел у себя. – Он полез в карман и вынул ее резинку для волос. – Не люблю, когда женщины оставляют в моей квартире следы пребывания.

Лена разрыдалась. Опешивший Кольцов слегка обнял ее, пытаясь успокоить:

– Почему ты всегда так бурно реагируешь? Это всего лишь резинка, я решил, что тебе она может быть нужна. Не плачь.

– Не плачь? – Лена вырывалась из его объятий. – Нет, я буду плакать, потому что мне этого хочется! Буду! Ты меня до психушки довел, я таблетки горстями пью! Я сумасшедшая, тебе понятно? Хочешь, справку покажу? И ты в этом виноват! Резинку он принес! Просто выброси ее, понятно?

Никита вдруг резко поднял руку и врезал Лене такую пощечину, что она на секунду оглохла и ослепла, и тут же притянул к себе, прижал, уткнулся в волосы:

– Прости, это было необходимо. Успокойся. Ладно, если все так, я могу остаться у тебя? Ты ведь одна?

Лена беспомощно закивала. Не выпуская ее, Никита сбросил куртку и ботинки и увлек Лену за собой в комнату.

– Ты даже елку не поставила? – удивился он, оглядев просторную комнату съемной квартиры. – Так не годится. Надо держать себя в руках, ты ведь следователь, где твоя сила воли?

«Ты меня растоптал, убил – о какой силе воли вообще можно говорить?» – Лена не смогла произнести этого вслух, и, наверное, это было к лучшему.

– Даже шампанского нет у тебя? – продолжал Кольцов.

– Мне пока нельзя спиртное, – кивнув на тумбочку у кровати, выдавила Лена, и Никита, переведя взгляд, увидел прозрачную косметичку с таблетками.

– Что ж, обойдемся тогда какао, – согласился Кольцов.

Он остался у Лены на всю ночь, и с тех пор вот уже пять месяцев они снова встречались. Но в их отношениях ничего не изменилось по сравнению с тем, как было до расставания. Абсолютно ничего. Первые две-три недели Никита очень старался сдерживать свой непростой нрав, но потом, поняв, что Лена слишком влюблена и слишком зависима, снова стал собой – эгоистичным и самовлюбленным. Теперь, правда, ему не требовалось прилагать вообще никаких усилий даже в поиске места для встреч: Лена жила наконец отдельно, а значит, можно было спокойно приходить к ней и оставаться на ночь, не поглядывая на часы. Так стало даже еще удобнее – всегда горячий ужин, нет необходимости тащиться в ресторан и ждать там, пока обслужат, Лена старалась угодить ему во всем и не мешать, если он приходил раздраженным после работы с учениками. Пару раз она заговаривала о том, чтобы он перебрался к ней, но Кольцов, разумеется, ни за что не сменил бы свою огромную «сталинку» в центре, пусть даже на двоих с сыном, на эту однокомнатную крошечную квартирку. Свой комфорт Никита Кольцов ставил превыше всего.

Лена изучала справку, полученную с последнего места работы убитого Полосина. Ничего примечательного: туристическое агентство средней руки, специализирующееся к тому же на образовательных программах для студентов. Алексей сопровождал группы изучавших язык для последующего поступления в учебные заведения Европы, сам владел тремя языками, окончил Московский университет. Но за сухими строчками справки не было больше ничего, что могло бы хоть косвенно натолкнуть Лену на мысли о возможных причинах убийства.

– Тебе бы в командировку туда, – сказал Лене начальник, просмотрев материалы. – Может быть, все кроется в его жизни там, в Москве?

– Убили-то его здесь.

– Ну и что? Может быть, он сюда скрыться приехал.

– Зачем тогда обратный билет брал? Судя по этому билету, летел Полосин сюда всего на три дня, – возразила Лена, которой совершенно не хотелось лететь в Москву.

– Так, короче, Крошина, чего ты хочешь? В командировку лететь придется, потому что нужны его связи.

– Да я еще здесь не все отработала. Вон эту Брусилову-младшую так и не могу вызвонить.

– Так мужу ее позвони. Она же замужем, если я правильно помню.

Но Лена и супругу Дарьи Брусиловой, Виктору Жильцову, тоже не могла дозвониться. Пришлось обращаться к Ольге Михайловне. Та сказала, что дочь с зятем улетели отдыхать в Бразилию.

– Надолго? – расстроилась Лена.

– Понятия не имею. Они улетели как раз перед тем, как у меня... Словом, перед тем, как вы...

– Перед убийством в вашей квартире? – почему-то насторожилась Лена.

– Да, как раз первым утренним рейсом сперва в Москву, а оттуда уже...

Какое совпадение. У матери в квартире находят труп, а дочь с мужем в то же утро улетает в отпуск. Лена сделала пометку в блокноте.

Эксперты уже дали заключение о предполагаемом времени смерти. Получалось, что Полосина убили около одиннадцати вечера, а труп его был обнаружен утром на следующий день. Если предположить, что у Дарьи Брусиловой была связь с ним, тогда или она, или ее супруг вполне могли успеть убить его и спокойно собрать вещи, чтобы не опоздать на утренний рейс в Москву. Версия о ревнивом супруге казалась Лене наиболее перспективной, хотя мать Дарьи и в крайне резкой форме отрицала даже возможность подобных отношений.

– Почему же вы не сказали мне об этом, когда я была у вас?

– Так я и сама не знала. Даша позвонила только вчера вечером...

«Еще не легче. Такое впечатление, что это был не отъезд, а бегство – даже мать не предупредить, позвонить уже из Бразилии и снова выключить телефон. А как же школа у девочки?»

– Ольга Михайловна, и часто ваши дочь и зять вот так срываются с места и летят на другой край земли? Ведь учебный год еще не закончился.

– Что может решить неделя-другая? Олеся у нас отличница.

«Как удобно. Олеся отличница, муж богатый, сама работой не связана, захотела – и к концу дня уже в Бразилии. А у матери в квартире труп».

– Скажите, Ольга Михайловна, вы рассказали дочери о случившемся?

– Вы же предупредили, что нельзя.

«А я не предупреждала. Мы об этом вообще не говорили. Что-то темнит уважаемая Ольга Михайловна, неужели я оказалась права и Дарья замешана в смерти Полосина?»

Уловив, видимо, в Ленином молчании что-то тревожное, Брусилова настороженно спросила:

– А почему вы задаете мне такие вопросы?

– А кому мне еще их задать? Я не могу дозвониться по телефонам, что вы дали мне, и вполне логично, что именно вам я и звоню – кто еще может сказать мне, как и где искать вашу дочь и зятя?

– А, ну да, ну да... как-то вдруг тревожно стало, знаете...

– Думаю, у вас нет причин для тревоги. Если, конечно, вы сказали мне правду.

– О чем?

– О том, была ли ваша дочь знакома с убитым в вашей квартире человеком.

– Я сказала вам только то, что знаю сама, – твердо сказала Ольга Михайловна, и в тоне ее опять скользнуло раздражение. – Разумеется, я не могу знать всех знакомых дочери, это очевидно, но ведь вряд ли Даша привела бы ко мне в квартиру постороннего. В нашей семье это не принято.

«А уезжать в спешке на другой континент?» – мысленно спросила Лена, но сдержалась.

– Я поняла вас, Ольга Михайловна, спасибо. Всего доброго. – И она положила трубку, не дожидаясь ответа.

С какой стороны подступиться к этому делу, Лена пока не понимала. Вот есть убитый – молодой мужчина, проживающий в Москве и непонятно что забывший в их городе. Есть квартира, где обнаружен его труп, но хозяйка утверждает, что знать его не знает. И есть загадочная дочь хозяйки – красавица и жена обеспеченного человека, которая практически в ночь убийства вдруг улетает со всей семьей в Бразилию. Лена набрала Паровозникова, хотя сделать это ей было довольно непросто:

– Андрей, проверь, пожалуйста, в наших турфирмах, когда именно был приобретен тур в Бразилию на имя Виктора Жильцова и его супруги.

– Хорошенькое дело, – буркнул он. – Это что мне, все турфирмы отрабатывать? А если они его из Москвы по Интернету?

– Давай все-таки сперва наши местные отработаем, а дальше будем решать.

– У тебя все?

– Да. Только отзовонись сразу, если что.

– Разумеется.

Разговор прервался. Лена сжала пальцами переносицу: все-таки крайне неприятно, что приходится работать с Андреем, это будет тяжелее, чем она себе представляла. Но начальству не объяснишь, почему она просит заменить оперативника, это совсем уж... Да и выносить личную жизнь на обозрение коллектива тоже не хотелось. «Ничего, впредь сто раз подумаю, прежде чем завести роман на работе», – со вздохом решила она. О предложении начальника поехать в Москву и там как следует покопаться в прошлом убитого Полосина она уже забыла – сейчас в этом не было необходимости.

Ближе к вечеру к ней зашел Левченко.

– Вот, значит, Елена Денисовна, побеседовал я в агентстве этого Жильцова с его сотрудниками, – присаживаясь на стул, сказал он. – Показал фотографию Полосина – нет, там его никто не видел и не опознал.

– А с чего вы вообще решили, что здесь есть какая-то связь? – Лена напрягла память, но так и не смогла вспомнить, просила ли Сашу отработать эту версию.

– Так мне мое начальство велело, – захлопал ресницами Саша.

– Паровозников?

– Ну да. Он поехал в турфирмы по списку, а я в этот «Слон».

– «Слон»?

– Агентство так называется, частное охранное агентство. Да вы видели, наверное, у них еще реклама такая смешная: там огромный слон нарисован как будто детской рукой и слоган «Из-за нас вас не будет видно».

– О господи, – она вздохнула, – российский маркетинг, бессмысленный и беспощадный.

– Зато ярко и сразу запоминается.

– Большое агентство?

– Нет, не особо. Но я так понял, что дела у них идут – в клиентах несколько фирм, сеть супермаркетов и кинотеатр. Услуги личных охранников они тоже предоставляют, но сейчас практически нет спроса.

– Понятно. Значит, скорее всего, Жильцов и Полосин знакомы могли и не быть. Наверное, это результат, – черкая что-то в ежедневнике, пробормотала Лена. – Спасибо вам, Саша. Завтра с утра поезжайте в модельное агентство жены Жильцова, там тоже поспрашивайте.

– Вот семейка, да? У него агентство, у нее тоже...

– Каждый делает то, что считает для себя приемлемым. Кому-то нравится вращаться среди дизайнеров и фотографов, а кому-то среди желающих защитить свое имущество. Спасибо, Саша, вы свободны, – сказала она, и Левченко, попрощавшись, собрал свои листочки и вышел.

«Мне надо у Никиты спросить, не сталкивался ли он по работе с этой Дарьей Жильцовой, – вдруг подумала Лена. – Ведь он недавно делал фотографии для каталога детской одежды, где-то ведь брал модели». Она сама еще не поняла, почему вдруг это пришло в голову, но внутренний голос не умолкал, хотя Лена знала: подобный вопрос может рассердить Кольцова, он вообще не любил, когда она заговаривала о его работе. В последнее время Никита ходил мрачный и всем недовольный, и Лена догадывалась о причине: его выставку довольно

жестко раскритиковал какой-то известный столичный фотограф, посетивший ее. Он довольно резко выразился о манере Кольцова выстраивать композицию и неумении делать портретные снимки. В душе Лена была с ним согласна – у Никиты лучше выходили натурные съемки, а вот людей он снимал довольно странно, ухитряясь подчеркнуть недостатки и совершенно не заметить достоинств. Лена думала, что это оттого, что Никита относился к людям без должного внимания, а зачастую и с презрением, смотрел свысока и не пытался увидеть что-то внутри, а без этого – даже она это понимала – хороший снимок получить невозможно. Фотограф, не любящий людей, – это как моряк, ненавидящий воду. Разумеется, Кольцов довольно негативно выразился о критике и его работах, но Лена украдкой нашла в Интернете фотографии и поразились тому, насколько они отличались от сделанных Никитой. Критик не поленился и отснял несколько фотосессий с теми же моделями, что работали с Никитой для выставки, и это были совершенно другие люди. Если положить рядом два снимка, то невозможно было сразу сказать, что на них одна и та же модель. Это открытие неприятно укололо Лену, и она ничего не сказала Никите, но и поддерживать разговоры о зависти и «столичном пафосе заезжего гастролера» тоже больше не стала. Просто сделала для себя вывод: Кольцов плохой фотограф, и только то, что в городе он, пожалуй, единственный, у кого есть какое-то специальное образование и публикации в различных журналах, сделало его здесь звездой. На столичном уровне он затерялся бы далеко не в первой сотне.

Стоило ей вспомнить о Никите, как она бросила взгляд на часы – обещала, что сегодня придет пораньше, он должен был ночевать у нее. Конечно, часы показывали половину седьмого, и приехать раньше его она уже не успеет.

Никита ждал ее у подъезда, прохаживался туда-сюда с закинутым на плечо кофром и недовольно поглядывал в сторону остановки. Машину Лена с утра завести не смогла, и она теперь стояла на парковке.

– Что же ты не заходишь? – спросила Лена, подходя. – Ведь есть же ключи.

– Я их оставил в другой куртке.

– Позвонил бы.

– Зачем? Ты сказала, что придешь вовремя. Отсвечиваю здесь, как влюбленный подросток. – Эти слова он повторял постоянно, если вдруг приходилось ждать Лену на улице, и она никак не могла понять, что плохого в том, чтобы казаться влюбленным.

– Прости, задержалась: новое дело. Идем, ты весь холодный, – дотронувшись до его руки, примирительно сказала она.

Вошли в квартиру. Лена щелкнула выключателем и почувствовала, как внутри разливается тепло – так бывало всегда, когда Никита приходил к ней. В такие моменты она готова была закрыть глаза на его тяжелый характер, на вечные придирки и недовольство. Ей так хотелось чувствовать себя любимой и нужной, так хотелось быть частью его жизни, что никакие доводы и очевидные факты не доходили до ее сознания. Вот есть он – и есть она, они вместе, и все остальное совершенно неважно.

Никита сразу прошел в ванную и зашумел водой – она знала эту его привычку сразу смывать с себя все, что произошло за день, словно менять кожу. Она же, быстро переодевшись в домашнее платье, бросилась в кухню и занялась приготовлением ужина, мысленно похвалив себя за то, что вчера после работы заехала в супермаркет и купила все что нужно.

Кольцов с мокрыми после душа волосами уселся за стол в углу, вытянул ноги на табуретку и закрыл глаза.

– Устал? – сочувственно спросила Лена.

– Да, – не открывая глаз, произнес он. – Скорее бы сессия и отпуск.

Это была довольно скользкая тема – отпуск. У Лены он снова пришелся на осень, и возможности поехать куда-то вместе опять не было. Кольцов же никогда не проводил лето в

городе, едва заканчивалась сессия у его студентов, он набирал заказы и уезжал или за границу, или куда-то на юг, к морю, совершенно не считаясь с тем, что Лена остается. Ее это обижало, но даже заговаривать на эту тему она не хотела, опасаясь, что он снова вспылит и скажет, что не обязан менять свои планы и привычный уклад жизни из-за нее.

– Ты сейчас соус передержишь, снимай, – сказал Никита, и Лена быстро сдернула с конфорки сковороду, где томился лосось в сливках. – Спагетти сливай, переварятся.

Она взялась за ручки кастрюли и, не удержав, уронила ее на пол. Кольцов еле успел дотянуться и дернуть ее к себе за подол платья, иначе она ошпарила бы ноги, попав в лужу из кипятка и вывалившихся на пол спагетти.

– Да что с тобой? – спросил он, разворачивая Лену к себе. – Случилось что-то?

– Ничего. Ужин вот...

– Сварим еще. Хорошо, что не обожглась.

– Я сейчас уберу и сварю еще, не беспокойся.

– Не надо, посиди, я сам.

Никита усадил ее на стул, сам принес веник, совок и швабру, быстро убрал пространство перед плитой и заново поставил воду на спагетти.

– Устала? – спросил он, садясь напротив и вытягивая из пачки сигарету.

– Да.

– Так иди лежи, я тут сам.

И от этой фразы ей стало совсем легко – все-таки он не такой эгоист, каким иногда кажется, он умеет чувствовать ее и понимать, просто привык не выражать этого. Лена взглянула на Кольцова с благодарностью и, выходя из кухни, на секунду прижалась губами к его щеке, привычно уже уколовшись о бороду.

Она свернулась клубком на кровати, натянув на ноги плед, и счастливо улыbnулась своим мыслям. Хорошо, что Никита сегодня в добром расположении, даже неувязка с ужином не выбила его из колеи, значит, вечер они проведут спокойно и без нервотрепки.

Иногда она думала: вот зачем это все, почему она позволяет ему общаться с собой свысока, словно снисходя до нее с какого-то пьедестала? Чем он лучше ее? И всякий раз приходила к выводу: всем. Он интеллигентный, умный, начитанный, с ним интересно разговаривать, ей с ним просто хорошо. Он обратил на нее внимание – на нее, внешне совершенно неприметную, не всегда умеющую найти нужные слова. Это на работе она старший следователь Крошина, а вне стен прокуратуры – обычная женщина за тридцать, одинокая и не слишком уверенная в себе. Коллеги страшно удивились бы, если бы увидели ее такой.

Даже Паровозников, когда они начали жить вместе, Андрей Паровозников, знавший ее до этого много лет, был поражен тем, что происходило с Леной, едва она переступала порог прокуратуры и оказывалась дома или на улице. Но Андрею почему-то эти перемены нравились, он смотрел на нее другими глазами и очень ценил каждую минуту, проведенную вместе вне работы. Но тогда почему она не смогла и дальше жить с ним? Почему ее не радовало его отношение, его трепетная забота? Она всегда сравнивала его с Никитой – и почему-то сравнение никогда не оказывалось в пользу Андрея. Он ни за что не отправил бы ее готовить ужин, заметив, что она устала, он сразу стал бы делать все сам, не дожидаясь таких инцидентов, как вываленные на пол спагетти. Никита прежде всего ценил себя и свою усталость, свои ощущения от прошедшего дня, хотя тот же Паровозников уставал не меньше, дежурил по ночам и работал не в теплом помещении, а бегал на своих двоих по городу. Лена никак не могла объяснить себе, почему вернулась к Никите после всего, что было. Вернулась – и все, хотя в отношении Кольцова к ней после их разрыва и воссоединения ничего не поменялось. Наверное, так бывает: тебя тянет не к тому, кто заботится о тебе, а к тому, кто всецело поглощен собой. Психиатр как-то в разговоре обронил фразу: «Вы, Елена Денисовна, типичная женщина-собака, вы живете для того, чтобы служить кому-то, быть чьим-то придатком, и вас раздражает, когда

мужчина пытается возвысить вас и поставить хотя бы вровень с собой, а не то что выше». Лена тогда не совсем поняла, что он имел в виду, и даже немного обиделась на сравнение, но теперь вот осознала, что доктор был совершенно прав. Ей важно было любить самой, самой отдавать что-то и не требовать ничего взамен. Даже не то что не требовать – просто не ждать, потому что так ей было удобнее. Когда ничего не ждешь и внезапно получаешь хоть минимум, это приносит куда больше радости.

– Лена, иди ужинать, все готово, – раздался голос Никиты из кухни, и она поспешила туда.

Даже здесь, в ее съемной квартире, Никита ухитрился накрыть стол почти по всем правилам – насколько это вообще было возможно в условиях современных реалий жизни. Полотняные салфетки, ножи, вилки, ложки для спагетти, стаканы для сока и бокалы для вина.

– Извини, скатерти у тебя по-прежнему нет, – иронично сказал он, заметив, как Лена оглядывает сервированный стол. – Тебе же трудно заехать в магазин и купить ее.

– Мне трудно будет найти время для того, чтобы каждый раз стирать ее и крахмалить, как ты любишь.

– Это решаемо: я отвожу свои в химчистку, там их приводят в порядок, могу дать тебе адрес.

«А у меня и на это нет времени», – подумала Лена, но промолчала. Не хотелось слушать пятиминутную лекцию о том, как правильно сервировать стол и зачем на нем нужна крахмальная скатерть.

– Согласись, – Никита пригубил красное вино, – всегда приятно сидеть за красиво накрытым столом. Ты возразишь, что можно есть и с клеенки. Можно, но зачем? Такими темпами можно скатиться до того, чтобы есть прямо из кастрюли – ведь времени на мытье посуды тоже вечно нет.

– Не утрируй, – попросила Лена. – Ты говоришь так, словно я выросла в хлеву и не умею пользоваться ножом и вилок.

– Этого я не сказал. Однако разница в наших привычках очевидна, согласись?

«Юлька была права, когда говорила, что Никита дворянин от слова «дворяня», так и ждет, когда бы цапнуть побольнее», – подумала Лена, не желая продолжать разговор.

– Ты почему не пьешь? – кивнув на бокал, к которому она не притронулась, спросил Кольцов. – Это хорошее испанское вино, между прочим.

– Я в них мало понимаю, ты ведь знаешь – для меня вина делятся на красные и белые, кислые и сладкие. Увы, курсы сомелье я не заканчивала.

– Тогда прислушайся к совету и попробуй. Или тебе за руль завтра?

– Нет. Машина, похоже, снова сломалась, я не могла ее утром завести. Надо что-то делать, кого-то просить...

– Напекаешь, что я не могу тебе помочь? – дернулся Никита.

– Нет, что ты. Я совершенно не об этом. Прекрасно справлюсь и сама, ты ведь знаешь. Просто думаю, что надо, видимо, продавать ее и покупать что-то другое, а пока это невозможно.

– Ты могла бы попросить в долг у матери, например.

– В моем возрасте стыдно просить денег у матери. Обычно женщины просят у мужа. – Тут Лена прикусила язык, поняв, что сказала лишнее.

Все разговоры о браке вызывали у Никиты такую агрессию, что ей всякий раз становилось страшно. Но сегодня, к счастью, обошлось – то ли Кольцов не заметил этой оговорки, то ли решил не портить вечер.

– Допустим. А кредит?

– А выплачивать я его как буду? У меня и так квартира съемная.

– Я вообще не понимаю, почему ты не поговоришь с матерью и не предложишь ей разменять вашу квартиру? Ведь тебе там положена доля, так почему не сейчас?

– Никита, давай оставим эту тему, я тебя очень прошу, – взмолилась Лена. – Я вообще зря затеяла разговор о машине, не нужно было... Ничего, завтра попрошу кого-нибудь из водителей, они подъедут и посмотрят – я всегда так делаю.

Никита сосредоточенно наматывал спагетти на вилку при помощи ложки и молчал, но в его молчании Лена угадывала недовольство. Ему было неприятно, что она обращается за помощью к кому-то, однако он сам помочь ей в этом не мог и не особенно хотел. Но самолюбие его при этом было уязвлено, это она понимала. Лена привыкла самостоятельно решать и финансовые проблемы, и все, что связано со старенькой машиной, и не ждала от него каких-то действий. Юлька всегда возмущалась по этому поводу:

– Скажи, зачем тебе мужчина, которому ты не можешь доверить решение каких-то вопросов, которые женщина в принципе не должна решать сама? Он что, не знает, что ты не дочь миллионера? Он так издевается над тем, что ты едешь на своей развалюхе, и при этом ни разу не предложил помочь как-то это исправить. А ведь он не побирается на паперти, ты сама говорила: объективы покупает по семьдесят тысяч.

– Вот кто я ему, чтобы он мне предлагал деньги? – вяло отбивалась Лена.

И Юлька закипала окончательно:

– Конечно, дорогая, ты ему никто! Ты с ним просто спишь, когда ему, заметь, это удобно. А когда неудобно, тебя задвигают в угол, как старые тапочки – разношенные по ноге, привычные, но не очень уже презентабельные. Выбросить жалко, ноги-то привыкли. Но и только.

– С какой стати он будет мне деньги давать? Я же не содержанка.

– Ага, и никогда ею не станешь, не говоря уже ни о чем другом. Так и будет тебе мозги пудрить, пока не надоешь.

Лену эти разговоры обижали, но, скорее, как раз потому, что она понимала, что Юлька права. У Никиты нет никаких планов на ее счет – ни серьезных, ни вообще хоть каких-то. Он ни разу не предложил жить вместе, ни разу не спросил, есть ли деньги, на что она живет, какая у нее зарплата. Она не ждала от него денежной помощи, но все равно было обидно. Надо отдать ему должное, еще в самом начале их отношений он предупредил, чтобы и она не строила особых иллюзий и, не дай бог, не пыталась его привязать – хоть бы и ребенком. Так сразу и сказал:

– Если вдруг решишь забеременеть, сразу расстанемся. Мне это не нужно, ничего менять я не собираюсь. Выбрось из головы эту расхожую бабью дурь «со временем он привыкнет и полюбит этого ребенка», со мной ничего подобного не произойдет. У меня есть взрослый сын, с меня хватит.

И она согласилась и с тех пор напряженно следила за своим организмом, прислушиваясь, «как бы ненароком чего не вышло». Иногда, правда, ее пугала перспектива остаться на всю жизнь совершенно одинокой, но она старательно гнала эту мысль от себя, успокаиваясь тем, что вообще далеко не все хотят и могут иметь детей. У той же Юльки их не было, но она сделала выбор сознательно, строя карьеру, да и когда погиб ее муж Саша, Воронкова сказала, что если и родила бы когда-то, то только от него, а теперь-то что уж. Но слова Никиты о нежелании иметь детей Лена восприняла как очередное подтверждение нежелания нести ответственность за кого-то, кроме себя, любимого.

Ужин закончили в молчании. Лена вымыла посуду, вытерла стол и унесла в бак для белья салфетки, Никита выкурил сигарету и улыбнулся:

– Мне нравится смотреть, как ты хлопочешь.

Она чуть смущенно улыбнулась:

– Мне приятно делать что-то, когда ты рядом. Тогда это имеет какой-то смысл.

– Не усложняй, Лена, какой высший смысл в мытье посуды? Только чтобы завтра не есть с грязного.

– Тебе завтра рано вставать? – перевела она разговор, чтобы не развивать эту тему дальше.

– Да, я уйду часов в семь, нужно заехать домой.

«Нужно встать пораньше и приготовить ему завтрак», – автоматически отметила для себя Лена. Она всегда старалась проснуться раньше Никиты, чтобы к моменту его пробуждения накрыть на стол и немного привести себя в порядок. Кому приятно видеть с утра заспанное припухшее лицо, тем более человеку с художественным вкусом?

– Я завтра буду занят, много работы, заказали каталог, – сказал Никита, потягиваясь, и Лена вспомнила о Жильцовой.

– Послушай, я хотела спросить... ты недавно делал каталог детской одежды, помнишь? А модели откуда были?

– Какие модели?

– Дети, которых ты снимал, откуда были?

– Заказчик сам выбирал в каком-то детском модельном агентстве. А что?

– Ты не мог бы для меня узнать, в каком именно?

– Зачем?

– Мне по работе нужно. Но если тебе трудно или неудобно...

– Да не трудно. Только напони с утра, я постараюсь позвонить, когда время будет.

– Спасибо, ты бы мне очень помог.

– Что-то случилось?

– Говорю же, по работе нужно, вот и вспомнила, как ты рассказывал.

– Каталог, кстати, так себе вышел, но заказчик остался доволен. Если честно, не люблю, когда они своих моделей приводят, всегда что-нибудь не то: или лица сложные, или работать не могут. Но тогда вроде как все обошлось – дети как дети, с опытом некоторые. Никогда не понимал этих сумасшедших мамаш, которые пытаются на смазливом детском лице денег заработать, – с некоторой брезгливостью в голосе сказал Никита. – Разве счастье в том, чтобы родиться красивым? Нужно развивать голову, интеллект, а не умение позы принимать.

– У всех свои представления о счастье.

– Нет, это просто алчность и попытка реализовать свои неудавшиеся мечты через ребенка. А как потом будет жить этот ребенок, когда вырастет и черты лица изменятся? Ведь зачастую бывает, что красивая в детстве девочка перерастает в совершенно обычную средне-статистическую девушку. А привыкла она быть в центре внимания, привыкла, что все ахают и восхищаются. И мать, курица, вбила ей в голову мысль о ее исключительности. И вдруг – раз! – и ничего этого больше нет. Вот и начинаются проблемы, – проговорил Никита, направляясь в комнату.

– Но ведь подобное происходит и с теми детьми, что в детстве считаются талантливыми, например, – возразила Лена, расстилая постель.

– Это другое. Знания, которые получены, никуда не денутся, а вот внешность может измениться. Потому мне и не нравится, когда люди делают на это ставку. – Никита забрался под одеяло и поманил Лену: – Ладно, иди ко мне, хватит спорить о чужих детях.

Утром, проводив Кольцова и напомним ему об обещании позвонить заказчику, Лена сварила себе еще кофе, забралась с чашкой в кресло и задумалась. С чего начать сегодня? Хорошо бы, чтобы Андрей успел найти что-то в турагентствах, тогда будет хотя бы понятно, планировалась ли супругами Жильцовыми поездка, или решение было принято спонтанно. Тогда можно будет думать о причастности кого-то из них к убийству Полосина. А пока все не более чем ее догадки. Надо бы еще соседей их опросить: что за семья, кто у них бывает, как живут. Это Лена решила поручить Левченко – парень оказался ей толковым, хоть и не совсем пока

опытным, но это дело наживное. Надо еще составить список друзей и близких знакомых и их тоже опросить. И, видимо, придется ехать в Москву, отрабатывать там связи Полосина, ничего не попишешь. А скоро годовщина у отца... Кладбище, неизбежная встреча с матерью, потом поминки для многочисленных знакомых отца. И нет возможности избежать этого, и придется ощущать на себе материнский укоризненный взгляд – мать до сих пор винила ее в самоубийстве отца, до сих пор не могла простить. Сама Лена считала, что отец не смог справиться с чувством вины, с тем, что дочь узнала о его второй жизни вот так, расследуя уголовное дело. Ему, совершившему подлость единственный раз в жизни, скорее всего, стало невыносимо жить с этим, это была та самая ситуация, когда большие деньги не принесли счастья, а раскололи семью. Денис Васильевич просто не справился с этим. Но мать упрямо настаивала, что, если бы Лена отказалась от дела, все было бы иначе, и дочь никак не могла убедить ее в том, что независимо от следователя подробности прошлой аферы Дениса Васильевича все равно стали бы достоянием общественности. Он помог человеку избежать уголовного дела – какая разница, кто обнародовал бы это спустя почти двадцать лет? Так или иначе, это преступление. Наверное, выстрел был единственным выходом, который видел из этой ситуации отец.

Кофе давно остыл, а Лена все еще сидела в кресле, погрузившись в мысли, и едва не задремала. К счастью, взгляд упал на будильник, и она подскочила:

– О, черт! – Кофе выплеснулся на пол и тапочки, босая нога оказалась в луже. – Нет, что за наказание такое?

Лена метнулась в ванную за тряпкой, наскоро вытерла молочно-коричневую жижу и стала собираться на работу.

Машина привычно уже не завелась, Лена попробовала сделать это больше для того, чтобы убедиться: нужно все-таки просить кого-то помочь, – и пришлось добираться на общественном транспорте. Разумеется, она опоздала, получила нагоняй от начальника и в весьма дурном настроении расположилась за столом в кабинете, вынув папку с делом об убийстве Полосина. Появившийся примерно через час Паровозников молча выложил перед ней копии брони отеля и авиабилетов. Лена быстро пробежала их глазами:

– Черт.

– Не на то рассчитывала? – сочувственно спросил Андрей. – У тебя кофе нет?

– Есть, банка за шторой справа. И мне сделай, если не трудно, не успела дома.

– Так все-таки чего расстроилась-то? – Он щелкнул кнопкой чайника.

– Понимаешь, эти твои бумажки мне всю версию обрушили. Получается, что Жильцовы планировали поездку, а не улетели спонтанно. Даты-то стоят еще апрельские.

– И что это меняет? – пожал он плечами. – Даты – апрельские, на дворе май, но это не значит, что убийство Полосина не было спланировано в том же апреле – разве не так? Что мешало подготовиться заранее? А, собственно, почему ты решила, что дело в Жильцовых?

– А в ком?

– Не знаю, в ком угодно. – Он поставил перед ней кружку.

– Труп в квартире матери – и кто-то другой?

– Лена, ты как-то примитивно мыслишь, на тебя не похоже. Мало ли почему этот Полосин оказался в квартире гражданки Брусиловой? Может, дочь ключи дала кому-то из подруг, чтобы та могла с любовником встретиться.

– Вряд ли.

– Да почему? Вполне могла. Если предположить, что есть у Жильцовой замужняя, например, подруга, к которой приезжает любовник из Москвы, – почему не выручить? Мать-то все равно на даче.

– Андрей, это как-то совсем уже глупо. Что за проблема снять номер в гостинице и не привлекать к ситуации кого-то еще? Я бы так сделала. – Она осеклась, поняв, что вот этого, пожалуй, говорить не стоило.

Он тоже умолк, прихлебывая кофе. Лена рассеянно помешивала напиток ложкой и думала, что в словах Андрея все-таки есть рациональное зерно. Возможно, у кого-то из подруг Дарьи Жильцовой мог быть резон для подобного поступка – не все хотят светить, к примеру, свой паспорт в гостиницах, да и город у них не такой уж большой, если подумать.

– Надо отрабатывать подруг Жильцовой, – со вздохом сказала она.

– Список телефонов у меня есть, там их всего трое, дружат еще со школы. Новых не появилось, так, во всяком случае, утверждает ее мать.

– Когда ты это успел?

– Вчера. Она, кстати, на тебя здорово злится, – сообщил Андрей. – Уж очень ты ее оскорбила предположением, что дочь ее может иметь любовника.

– Смотри-ка, какие нежности... Всякое бывает, и абсолютно не обязательно, что мать должна знать о жизни дочери все-все. Но ты прав, пожалуй: я слишком уж явно дала ей понять, что такое может быть, и госпожа Брусилова такого святотатства мне, понятное дело, забыть не сможет.

– Ладно, Ленка, спасибо за кофе, поеду я, наверное, по подружкам мадам Жильцовой, – отставив пустую кружку, сказал Паровозников. – Ты сама ни с кем не хочешь пообщаться, чтоб нам с Сашкой полегче?

– Да, пожалуй, хочу.

– Вот тогда тебе координаты самой задушевной подруги, так мать утверждает. – Андрей быстро черкнул на листке телефон и имя.

– Эй, а вымыть за собой? – возмутилась Лена, наблюдая, как он продвигается к двери.

– Я наливал – ты моешь. – Улыбнувшись, Андрей скрылся за дверью.

– Вот зараза, – пробурчала Лена, сдвигая обе кружки на край стола и берясь за телефон.

Через час Лена стояла у здания банка «Кредит Плюс», где заместителем генерального директора работала ближайшая подруга Дарьи Жильцовой. Ее встречала секретарь – молодая особа в белой блузке и темно-зеленой юбке.

– Вы Елена Денисовна? – приветливо спросила она, и Лена привычным жестом достала удостоверение. Секретарь чуть изменилась в лице, но быстро взяла себя в руки: – Соледад Сергеевна вас ждет.

Странное имя начальницы в ее устах прозвучало вполне естественно и даже немного таинственно, Лена попыталась представить себе, как должна выглядеть женщина, которую зовут Соледад, и ошиблась в своих прогнозах. Секретарь толкнула массивную дверь с табличкой «Матюшкина С. С., заместитель директора» и пропустила Лену вперед. В просторном кабинете за большим столом сидела высоченная круглолицая женщина с курносом носом и копной мелких светлых кудряшек, окутывавших ее голову легким облаком. Ничего «испанского» в ее внешности не было. Голос у Соледад оказался неожиданно низким.

– Проходите, пожалуйста, – сказала она, не вставая из кресла. – Света, два кофе. Или вы предпочитаете чай?

– Нет, кофе вполне подойдет, – усаживаясь за стол, ответила Лена.

– Извините, я не записала вашего имени-отчества, – продолжила хозяйка кабинета, и Лена повторила:

– Елена Денисовна Крошина, старший следователь прокуратуры.

– Да-да, все правильно, Елена Денисовна. И в чем меня подозревают? – с легкой иронией спросила Матюшкина.

Лена терпеть не могла эту манеру людей скрывать волнение за иронией и разговаривать снисходительным тоном.

– Пока еще ни в чем, – привычно ответила она. – У меня есть несколько вопросов о вашей подруге Дарье Жильцовой.

– О Дашке? – удивилась Матюшкина. – А что с ней?

– С ней все в порядке. Но было бы хорошо, если бы вы рассказали мне о ней чуть подробнее. Ее мать назвала вас лучшей подругой Дарьи, вот я и подумала, что вы должны хорошо знать Жильцову и ее мужа.

– Разумеется. Мы с Дашей дружим с первого класса, я была свидетельницей на их с Витей свадьбе. Даже не знаю, о чем вам рассказать. Хорошая семья, благополучная, – последнее слово, как показалось Лене, Матюшкина немного выделила голосом, и в этом ей снова почудилась какая-то ирония. – Все гладко и благопристойно. Знаете, раньше были такие книги – «О вкусной и здоровой пище», «Домоводство» – с яркими постановочными фотографиями? Там были как раз такие семьи: красивый, слегка прилизанный мужчина, ухоженная женщина в кружевном передничке и ребенок, обычно кудрявая девочка с красным бантом. Вот Дашкину семью вполне можно было бы снимать для подобных изданий.

Матюшкина откинулась на спинку кресла и вынула пачку сигарет. Лена же, быстро прокрутив в уме ее последние фразы, опять почувствовала какую-то скрытую недоброжелательность, что ли. Вроде ничего осуждающего или неодобрительного о семье подруги Матюшкина не сказала, но какой-то неприятный осадок от сравнения остался.

– Соледад Сергеевна, скажите, а в последнее время в поведении Дарьи ничего не изменилось?

– В Дашкином – нет, а вот Витя... – Матюшкина умолкла на секунду, выпустила колечко дыма. – Витюша стал какой-то нервный, мы связывали это с уменьшением заказов в его агентстве. У него частная охранная контора, а сейчас мода на личных охранников прошла. Соответственно, денег стало куда меньше, а у Дашки, наоборот, дела пошли лучше: сумасшедшие мамы ведут к ней своих чадушек в надежде на карьеру Водяновой в перспективе, – чуть усмехнулась Соледад, и Лена вспомнила, что примерно это же вчера говорил и Никита. – Не мне вам рассказывать, как зачастую болезненно реагируют мужчины на успехи жены, особенно если у самих дела идут не очень.

– И что, Виктор Жильцов именно из таких?

– Елена Денисовна, – чуть наклонившись вперед, произнесла Соледад, внимательно глядя Лене в лицо, – человек привык быть первым, главным, сильным – и вдруг... Жена, которая раньше без него шагу ступить не могла, начинает зарабатывать едва ли не больше, уезжает в какие-то поездки, на съемки, на конкурсы красоты среди детей – кому это понравится?

– Он ревновал ее?

– А то! Дашка на втором курсе выиграла конкурс красоты, ее портретами в городе все было оклеено, неужели вы не помните? – Лена отрицательно покачала головой, и Матюшкина продолжила: – Все, что прилагается к подобному событию, у Дашки в жизни тоже возникло: поклонники, букеты, маньяки. Они с Витей на этой почве и познакомились, он ей охранника тогда бесплатно предоставил, ну а потом и сам стал ухаживать. Дашка красивая, таким всегда все само в руки плывет.

К Лениному удивлению, Соледад произнесла это без тени зависти, как бывает обычно даже у близких подруг, одна из которых чуть красивее или чуть удачливее другой. Нет, Соледад, судя по всему, не испытывала зависти к более красивой подруге.

– Витя ее, конечно, баловал очень, но Дашку это не испортило. Мы много лет вчетвером дружим, и никто из нас не заметил никаких перемен – ни Ирина, ни Лера, ни я. Дашка относилась к нам по-прежнему, мы часто всей компанией у них время проводили, даже когда у девчонок собственные семьи появились.

Лена отметила эту оговорку – по всему выходило, что сама Соледад до сих пор не замужем. Отсутствие кольца на соответствующем пальце об этом не свидетельствовало, а вот такая оговорка – вполне.

– Витя, конечно, старше нас всех, прилично старше, – продолжала Матюшкина, – но этого совершенно не замечалось в компании. Правда, в последнее время... – она опять на секунду умолкла, словно что-то припоминая, – да, в последнее время он стал какой-то мрачный, что ли. Знаете, как будто у человека внутри происходит борьба, а он старается это скрыть от окружающих и изо всех сил пытается казаться прежним. Именно казаться, потому что быть прежним он уже не может.

– А в чем это выражалось?

– Скажем, он стал говорить с Дашкой с оттенком раздражения. Словно каждое ее слово причиняет ему боль. Перестал обнимать ее при нас, хотя раньше не стеснялся проявлять чувства. Даже за столом старался сесть не с ней. Если честно, – чуть понизив голос, сказала Соледад, – мне временами начинало казаться, что у Дашки кто-то есть и Витя подозревает ее в измене.

«Интересно, что сказала бы сейчас в ответ на это предположение мадам Брусилова», – подумала Лена, делая пометки в ежедневнике.

– А вы?

– Что я? – Матюшкина вытянула из пачки новую сигарету.

– Вы не подозреваете свою подругу в возможном, хм, адюльтере?

Матюшкина выпустила очередное колечко дыма, внимательно проследила за тем, как оно тает, поднимаясь к потолку, и, красиво держа на отлете руку с сигаретой, сказала твердо:

– Даже если я и подозреваю, то ни за что не стану говорить об этом.

– Почему?

– А вам непонятно? У вас есть подруга, Елена Денисовна? Вот такая, чтобы как сестра? Лена, разумеется, тут же вспомнила Юльку Воронкову – это был как раз тот случай.

– Да, – кивнула она, – есть.

– Тогда вы меня поймете. Даже если близкий тебе человек оступается, ты ни за что не станешь обсуждать его проступок с кем бы то ни было и постараться найти ему оправдания.

– Даже если близкий человек совершил преступление?

– А Дашка – совершила? – И в голосе Матюшкиной Лена не уловила ни удивления, ни интереса, ничего.

– А если допустить?

– Бросьте, Елена Денисовна, я ведь знаю, что следователи так не работают, – усмехнулась Соледад, придавливая окурки в пепельнице. – Вы бы не пришли ко мне, если бы не подозревали Дашку в чем-то. Или – Витю? Я скорее поверю в то, что Витюша что-то натворил, чем в то, что это сделала Дашка, – даже теоретически.

«А ты за что-то не любишь мужа ближайшей подруги, дорогая Соледад, – подумала Лена. – Хоть и стараешься скрыть это».

– И почему вы так думаете?

– Потому, что никогда не верила в эту глупую теорию про тихий омут и чертей. У Дашки никогда не было второго дна, понимаете? Она – как на ладони, простая, бесхитростная. Мне кажется, она даже соврать не смогла бы – во всяком случае, я такого за ней никогда не замечала.

– Допустим. – Лена сделала очередную пометку в ежедневнике. – А Виктор?

Соледад задумалась. Лена внимательно следила за тем, как меняется выражение ее лица, но на нем, казалось, вообще не отражались эмоции – простое, круглое лицо, такие принято называть «крестьянскими».

– Виктор... Виктор-Виктор... – произнесла наконец Соледад. – Знаете, мне всегда казалось, что он не настолько правильный, каким хочет показаться. Вот у вас когда-нибудь было ощущение, что человек настолько хороший, что вам от его «хорошести» хочется матом крыть? А мне вот в Витином присутствии регулярно хотелось вывернуть что-нибудь этакое, чтобы у него лицо вытянулось и нутро наружу показалось.

– Странно.

– А ничего странного. Не верю я в идеального мужчину, уж простите, – чуть раздув ноздри курносого носика, сказала Соледад. – Мне всегда казалось, что он только прикидывается таким, лапшу всем на уши вешает, а на самом деле другой – жестокий, способный на любую крайность.

– Даша вам жаловалась?

– Даша? Жаловалась? – переспросила Матюшкина и расхохоталась: – Ой, я вас умоляю! Да если даже что-то там и было, вряд ли Дашка стала бы ломать этот тщательно выписанный лубок, о чем вы! Для нее вот это все внешнее очень важно: преуспевающая бизнес-леди, муж – тоже успешный бизнесмен, приемная дочь – умница и красавица, не жизнь, а глянцевая обложка.

– Кстати, простите за этот вопрос, но почему у них нет совместных детей?

– Потому что Дашка решила не рожать до тридцати пяти. Жизненная позиция, знаете ли, как в Европе. Мол, пока молодые, надо пожить для себя, поездить, посмотреть, что-то испытать. Да и Олеську на ноги поставить. А потом можно и о собственном ребенке задуматься. Ирка с Леркой ее, кстати, осуждают за это.

– А вы?

– А я сама с детьми не спешу. Тоже хочу сперва карьеру и все остальное, а потом уж... – Но в ее голосе Лене вдруг почудилось, что на самом деле эта заученная фраза скрывает душевную боль и какую-то вынужденность ситуации. Детей Матюшкина явно хотела, но что-то не складывалось.

– Наверное, Дашка права, – продолжала Соледад, – пока есть возможность, нужно пожить для себя. Вон они – взяли и в Бразилию укатили, а с маленьким ребенком уже задумаешься: экзотика тебе нужна или комфорт для чадушки.

– Резонно. И что, часто они вот так срываются и улетают?

– Почему срываются? У них все как в Госплане, по полочкам, по датам. Садятся и расписывают на год вперед – когда, куда, на сколько. Никаких внештатных ситуаций.

«Значит, Андрей прав, уехали действительно потому, что собирались. Но это не отменяет возможной причастности к убийству».

– Скажите, Соледад Сергеевна, а фамилия Полосин вам о чем-то говорит?

– Полосин? Леша? – Она улыбнулась. – Разумеется, я его знаю. Он был нашим персональным гидом, когда мы на Дашкин день рождения два года назад в Прагу мотались.

– Значит, Дарья с ним знакома?

– И Дарья, и Виктор, и я, и подруги наши. Это ведь Витя закатил такое празднество – отправил нас в Прагу на три дня и нанял персонального гида.

– Понятно. А после поездки вы с ним виделись?

– С Лешей? Нет. А в чем дело?

– Вы так уверенно ответили на мой вопрос, что мне показалось, будто вы знаете его довольно долго. Я, например, вряд ли вспомню имя и фамилию гида, водившего меня на экскурсии два года назад.

– Если бы вы провели с ним трое суток, вряд ли забыли бы, – улыбнулась Соледад. – Мы же за ним по этой Праге носились, как стайка: завтрак-обед-ужин, магазины, прогулки, теплоход по Влтаве, хоть и прохладно еще было. Такое не забывается. И потом, он Прагу знает как свой родной город, мы бы там сами вообще мало что посмотрели.

– Ясно. А Дарья не общалась с ним потом?

Соледад прищурилась и вдруг начала пристально вглядываться в Ленино лицо, от чего Лене стало не по себе.

– Елена Денисовна, скажите, в чем все-таки дело? – произнесла Матюшкина тихо. – Вы задаете мне какие-то вопросы, я тут разливаюсь соловьем и даже не знаю причины, по которой

трачу на вас свое рабочее, между прочим, время. А у меня совещание через час. Что случилось?

– Дело в том, что Алексей Полосин был найден мертвым в квартире матери Дарьи Жильцовой, – сказала Лена, с трудом выдерживая ставший откровенно неприятным взгляд Соледад.

Та на секунду оцепенела, со щек сошел румянец, губы дрогнули, но в тот же момент Матюшкина овладела собой и выдохнула:

– Как так? Он же не местный. Он то в Москве живет, то в Праге, там даже чаще...

– Вот это мы и пытаемся выяснить – каким же образом он, не местный, оказался в квартире Ольги Михайловны Брусиловой.

– Нет... это бред какой-то, не может быть, – махнула рукой Соледад, словно отгоняя от себя неприятную новость. – С чего бы ему к Ольге Михайловне ехать? Нет, бред, бред какой-то...

Известие явно ошарашило ее, Лена видела в глазах растерянность и даже испуг. Но рука ее, которой Соледад потянулась к пачке сигарет, не дрожала, и Лена подумала, что самообладание у этой маленькой женщины вполне мужское.

– И что же – вы думаете, что это Дашка или Витя – его? – спросила Соледад, закурив.

– Разве я так сказала? Мы отработываем всех членов семьи гражданки Брусиловой, это обычное дело.

– Ну Ольга-то Михайловна при чем здесь? Она его даже не знала.

– Тогда как он в ее квартире оказался, не подскажете?

– Подсказала бы, да не знаю. В голове не укладывается... – пробормотала Соледад. – Да, огорошили вы меня, Елена Денисовна... Как теперь совещание проводить буду – не представляю, а директор в отъезде.

– Извините уж, как есть.

– Простите, Елена Денисовна... если больше нет ко мне вопросов... – Соледад многозначительно посмотрела в сторону двери. – Мне неловко, но... в самом деле, надо в себя прийти.

– Я могу вызвать вас к себе, если понадобится?

– Да-да, конечно, – поспешно согласилась Матюшкина. Она явно была настроена как можно скорее проститься с гостьей.

Уже у двери Лена затылком чувствовала сверлящий взгляд Матюшкиной, провожавший ее к выходу.

Закрыв за собой дверь, Лена на секунду замерла в приемной, переводя дух, и секретарь Света спросила:

– Может, вам водички? Что-то вы бледная.

– Да, если можно.

Девушка подошла к кулеру и сочувственно сказала, наполняя стакан:

– Соледад Сергеевна у нас вампир. Мало кто может с ней долгое время один на один общаться, сразу начинает неважно себя чувствовать.

– Скажите, Светлана, ваша начальница замужем? – спросила Лена, принимая из рук девушки стакан.

– Нет, – с опаской глянув в сторону двери и понизив голос, ответила секретарь. – Вообще она это не афиширует, но я ведь секретарь, мне все положено знать, даже если начальство этого не желает. Она несколько лет встречается с одним тут... деятелем. Но жениться он не торопится, так как уже женат. И на будущее – если еще раз будете с Соледад Сергеевной встречаться, избегайте вопросов на эту тему, она просто свирепеет. Сами понимаете: неприятно при ее должности ходить в вечных любовницах у владельца цветочных павильонов.

«Однако, – подумала Лена, допивая воду и чувствуя, как становится немного легче. – Действительно, при таком раскладе трудно хорошо относиться к мужу подруги».

– А имя этого счастливица не подскажете? – спросила она, подумав, что любовник Соледад тоже мог бы, наверное, рассказать что-то интересное, если бывал с ней в компании Жильцовых.

– Подскажу, – снова оглянувшись на дверь кабинета начальницы Светлана, – но только если вы Соледад Сергеевне меня не сдадите.

– Не волнуйтесь, – улыбнулась Лена и открыла ежедневник.

– Зовут его Илья Богданович Крючков, он владеет цветочными павильонами «Гардения», может, знаете – они на всех больших остановках транспорта стоят, у больницы, напротив загса?

– Да, конечно, знаю, – кивнула Лена. – Спасибо вам, Светлана, за помощь.

– Не за что. Но вы обещали...

– Я обещаю, что ваша начальница ни о чем не узнает. – Лена заговорщицки подмигнула и направилась к выходу. – Не провожайте, я сама найду дорогу.

Когда Лена вернулась в прокуратуру, ее уже ждал Саша Левченко, топтался в нетерпении у кабинета.

– Саша, что же вы не позвонили? – спросила она, открывая кабинет и впуская оперативника.

– Да я только подъехал. Ничего срочного.

– Какие новости?

– Был у подружки Дарьи Жильцовой, Ирины Ложбыкиной. Ничего интересного, если честно, – признался Саша, придвигая стул к столу и раскладывая какие-то листочки на столешнице. – Скучно, прямо зубы сводит. Не семья, а картинка из журнала.

«А вот здесь ты не прав, это как раз интересно, – насторожилась Лена. – Уже второй человек рассказывает о том, насколько все в семье Жильцовых идеально. Именно это и вызывает подозрение. Соледад права: в идеальное не верится».

– Не удивлюсь, если Паровозников явится с такими же новостями, – пробормотала она, и Саша переспросил:

– В каком смысле?

– В прямом. Я только что беседовала с ближайшей подружкой, и она рассказала мне то же самое. Не думаю, что третья добавит что-то новое.

Так и оказалось. Андрей приехал минут через двадцать, Лена с Сашей все еще обсуждали и сопоставляли разговоры с Матюшкиной и Ложбыкиной, и в его беседе с Валерией Храмцовой все было почти как под копирку: идеальная семья, все друг друга любят, все счастливы и довольны жизнью.

– Знаете, парни, что меня настораживает? – сказала вдруг Лена, когда Андрей замолчал. – Только Матюшкина сказала, что в поведении Виктора Жильцова в последнее время произошли перемены. А Храмцова и Ложбыкина вроде бы ничего не заметили.

– И что? – пожал плечами Андрей. – Матюшкина просто к Дарье ближе остальных.

– Но свободное время они проводили в компании. Сам подумай: если бы кто-то из твоих друзей вдруг стал вести себя как-то не так, разве ты бы не заметил?

– Это зависит от того, насколько он мне близок, – не уступал Андрей.

– Не думаю. Во всяком случае, перемену во мне ты не заметил. – Лена ахнула, закрыла рот рукой, но было уже поздно – Паровозников встал и вышел, хлопнув дверью.

Левченко растерянно смотрел на нее, не понимая, что произошло: он не был в курсе перипетий их с Андреем личной жизни.

– Черт возьми, – пробормотала Лена, чувствуя, как пылают щеки. – Нет, вот что я за идиотка...

– Я, Елена Денисовна, пойду, пожалуй, – протянул Саша, вставая, и Лена с благодарностью кивнула:

– Да-да, конечно, идите, Саша. Спасибо за материалы.

Левченко ушел, а Лена, вцепившись в волосы, тихонько взывала от злобы на собственную несдержанность и глупость. «Как можно быть такой дурой в мои годы? Нашла удачное сравнение, пнула в больное место! Он же мужчина, каково ему вообще со мной работать после всего, а тут еще я подливаю масла... Дура, идиотка...»

Легче не становилось, а нужно было продолжать работу – начальство не волнует, какие драмы разыгрываются между следователем и оперативником, да и вообще, подобные вещи не следует выносить на обозрение коллектива.

– Ладно, позже позвоню и попрошу прощения. – Лена вытерла навернувшиеся на глаза слезы и придвинула к себе записи бесед с Храмцовой и Ложбыкиной.

Все сходилось до мельчайших подробностей и противоречило рассказу Матюшкиной только в одном моменте, как Лена и предполагала – они не усмотрели в поведении Виктора Жильцова никаких разительных перемен. А вот Соледад их заметила и связала то ли с неприятностями на работе, то ли с тем, что у Дарьи, возможно, появился любовник. И им, кстати, вполне мог быть Алексей Полосин. И выяснить это можно только единственным способом – поехав в Москву и отработав его связи там.

К вечеру все необходимые для поездки формальности были соблюдены и оформлены, осталось только собрать вещи и предупредить Никиту, что она уезжает.

Кольцов никак не отреагировал на известие о ее внезапной командировке – как будто не услышал.

– Ты просила поговорить с заказчиком буклета. Я поговорил, дал твой номер телефона. Как только у нее появится свободное время, она перезвонит сама.

– Спасибо. – Лена даже не надеялась, что он вспомнит о данном обещании, но оказалось, что Никита не забыл. – Может, ты приедешь сегодня ко мне?

– Зачем? Тебе нужно собираться, а у меня много работы, как раз успею привести в порядок все свои дела, пока ты в командировке будешь.

Лена почему-то подумала, что Никита стремится освободить время для того, чтобы после ее возвращения побыть с ней побольше, и это словно затопило ее изнутри теплом и нежностью.

– Напиши мне, когда доберешься, – продолжал Кольцов. – Только напиши, а не звони, понятно? Я увижу эсэмэску и отвечу.

– Поняла, не волнуйся.

– Тогда все, счастливо тебе долететь. – Даже не дождавшись ответа, Кольцов сбросил звонок.

Лена еще пару секунд тупо смотрела на замолчавшую трубку, потом вздохнула и убрала ее в сумку. Нужно было ехать домой и собирать вещи, самолет рано утром, хорошо еще, что начальник, услышав о проблемах с машиной, пообещал прислать служебную. И был в этой командировке еще один плюс, хотя Лена даже думать об этом стыдилась. Годовщина смерти отца пройдет без нее, и даже оправданий выдумывать не придется – работа, тут даже мать бессильна.

«Наверное, я плохой человек, – думала Лена, медленно шагая по вечернему городу в сторону дома. – Я избегаю встреч с матерью, с облегчением думаю о том, что командировка поможет мне не присутствовать на кладбище. Но я лучше съезжу туда одна, когда вернусь, и не буду чувствовать себя виноватой в том, в чем на самом деле моей вины и не было. А мама сделает все, чтобы заставить чувствовать это. Нет уж, пусть обойдется без меня, я съезжу на могилу потом. И папа наверняка бы понял».

Она провела практически бессонную ночь, а потому, едва опустившись в самолетное кресло, почти сразу заснула и открыла глаза только после того, как стюардесса аккуратно потрясла ее за плечо:

– Девушка, начинаем снижаться, приведите спинку кресла в вертикальное положение, пожалуйста.

Лена помотала головой, прогоняя остатки сна, слегка потянувшись и выглянула в иллюминатор. Там, внизу, начинался новый теплый день, не в пример погоде в родном городе. Она похвалила себя за то, что прихватила пару летних вещей, буквально в последний момент уложив их в сумку. «Если будет время, можно с Юлькой по Москве прогуляться, мы давно не виделись», – подумала Лена, застегивая ремень и вынимая из сумки книжку: взлет она удачно проспала, а вот посадку придется «зачитывать». Так она поступала всегда, если летела куда-то, чтобы не прислушиваться к шуму двигателей, к звуку выпускаемых шасси и не волноваться. С самого детства Лена Крошина панически боялась именно взлета и посадки, тогда как сам полет ее совершенно никак не нервировал. Но с годами она научилась справляться с внутренней паникой, погружаясь в чтение книги – именно в самолетах ей удавалось прочитывать то, на что не хватало времени «на земле» или просто не хватало терпения.

Погрузившись в чтение, Лена не заметила, как прошла посадка, и убрала книгу только после того, как пассажиры начали вставать с мест и вынимать вещи из багажных полок. У нее с собой была только дамская сумка, а небольшой чемодан она сдала в багаж – торопиться особенно было некуда, можно и подождать. Едва она включила телефон, как увидела пропущенный звонок с московского номера. Набрав его, услышала молодой мужской голос:

– Елена Денисовна? Доброе утро, это Петр Крашенинников, я стажер, меня прислали вас встретить. У вас какой-то багаж имеется?

– Доброе утро, Петр, очень приятно. Честно сказать, не ожидала, что будут встречать. Да, у меня чемодан, – входя в помещение аэропорта вместе с остальными пассажирами, сказала Лена.

– Тогда не торопитесь, забирайте, я вас у выхода из зала прилета жду. На мне светлая ветровка, в руках зеленый рюкзак.

– Спасибо, я постараюсь быстро.

Багаж она получила довольно быстро, вытянула ручку и покатила чемодан к выходу, где за стеклянной перегородкой сразу увидела высоченного молодого человека в светлой ветровке и с зеленым рюкзаком, небрежно болтавшимся на локте согнутой руки. Лена подошла к нему и снова представилась:

– Я Елена Крошина, а вы, как я понимаю, Петр?

– Да, все верно. – Он чуть склонил голову к правому плечу. – Позвольте чемоданчик. – Перехватил ручку. – Я на машине, так что нам в сторону парковки. Нормально долетели?

– Да, неплохо выпалась, – улыбнулась Лена, едва поспевая за Петром.

– А мое начальство вчера решило, что будет неплохо, если я с вами поработаю, заодно с транспортом вашу проблему решу, ну и вообще присмотрюсь, как на периферии следователи работают.

– Думаете, как-то иначе, чем в столице?

– Обиделись?

– На что?

– На «провинцию».

– Молодой человек, вы сколько в прокуратуре служите?

– Первый месяц. Я на стажировке.

– Когда отработаете хотя бы полгода, будет иметь смысл на вас обижаться. А пока не вижу ничего обидного в вашем юношеском снобизме, – все с той же милой улыбкой сказала Лена, хотя мысленно уже прикидывала, как бы избавиться от столь «приятной» компании на время командировки. Никакие транспортные проблемы не пугали ее настолько, чтобы терпеть этого зеленого сноба.

– Вот честное слово, Елена Денисовна, – остановившись, Петр прижал руки к груди и посмотрел на нее сверху вниз, – у меня и в мыслях не было вас как-то обидеть или задеть. Я часто лишнее говорю, потом жалею.

– Петр, я же сказала: не вижу смысла в обидах. И давайте закроем эту тему. Кроме того, я не люблю вот такой театральщины с заламыванием рук и закатыванием глаз, особенно в мужском исполнении. У меня, знаете ли, подруга – актриса, так вот ей простительно, а мужчинам – нет.

– Понял. А актриса известная?

– В нашей провинции, – Лена выделила это слово, – одна из ведущих. Сейчас, кстати, снимается в сериале, так что, возможно, вскоре будет известна и здесь.

– А познакомите?

– Вы слишком молоды, боюсь, – рассмеялась Лена, – но если хотите...

– Я буду только рад. Мир? – глядя на Лену сверху вниз, предложил Петр, и она кивнула. – Прекрасно. Предлагаю отметить это вкусным завтраком где-нибудь по дороге.

– Не возражаю.

Примерно через час Петр сумел свернуть из автомобильной пробки направо и припарковался у торгового центра.

– Да, автолюбителям в Москве живется не очень, – вздохнул он, выходя из машины и открывая Лене дверку.

– Удивитесь, но у нас не легче. Я в последнее время предпочитаю общественный транспорт, благо трамвайная остановка рядом и с домом, и с работой, – сказала Лена.

– Вы какой кофе любите?

– По-венски.

– Да? Надо же, мама моя такой пьет. Сейчас модно любить всякие латте.

– Я вкус не понимаю. Петр, а вас что в прокуратуру привело, если не секрет? – становясь вслед за ним на эскалатор, поинтересовалась Лена.

– Юридический факультет и дедушка. Он всю жизнь этому посвятил, хотел, чтобы мой отец тоже следователем стал, но тот ни в какую – врач. А я с детства любил слушать дедовские рассказы, все представлял себя великим следователем, раскрывающим запутанные дела. Короче, романтический мальчик, – улыбаясь, Петр пропустил ее перед собой в кафе, отодвинул кресло, помог сесть.

– Надеюсь, не разочаруетесь. – Лена приняла от мгновенно подскочившего официанта меню.

– Пока мне все нравится, только поручают всякие мелочи. Нет, я понимаю, опыта у меня никакого. Но как же я его приобрету, если ничего не буду делать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.